

Аутсайдеры

Яркие цвета
в тени

...Аутсайдеры — всегда заведомо проигравшие... Они рождаются, творят, любят и умирают не в том месте и не в то время. Живут словно в параллельных мирах. И вечно не по тому адресу...

М

не нравится возвращать вещам жизнь и достоинство. Я — неутомимый искатель, неутомимый путешественник, который не боится бродить в таких местах, по сравнению с которыми даже самые злочные бары Каракаса и то показались бы изысканными. Думаете, я преувеличиваю?

Среди прочих вещей, которые я считаю своим долгом спасти от забвения, наибольшую ценность для меня представляют фотографии. Те, что англосаксы прозвали «снэпшотами» — мгновенные снимки без автора, капли повседневности, вырванные из лап времени: новобрачные, угрюмые дети, женщины, похожие на ведьм, семьи, группы людей, сидящих за накрытым столом бог знает где.

Всех их больше нет на свете.

Но когда я держу эти фотографии в руках, мне кажется, что я возвращаю к жизни воспоминания, которые без какого-нибудь свидетеля, без меня канули бы в Лету. Это наталкивает меня на мысль о том, что я — единственный на всей планете — обладатель этих образов. Я пристально их изучаю и пытаюсь угадать, какие отношения связывают моих персонажей, собравшихся вместе в этом конкретном пространстве на долю секунды, чтобы получился этот снимок.

Я, как Амели, обращаю внимание на каждую деталь на заднем плане, на все предметы, стоящие на серванте, на дату на календаре. И мне нравится замечать, как среди множества лиц находится одно, которое будто заглядывает мне прямо в глаза, как в последней сцене фильма «Сияние».

Но это только верхушка айсберга. Кроме фотографий, я, словно большой булимией, безостановочно поглощаю истории — не зря же я когда-то отучился на сценариста.

Мне нравится спасать потерянное творчество, то, которое никогда так и не было удостоено внимания.

Я покупаю рисунки, наброски, архитектурные чертежи, реже — картины и скульптуры. Мне нравятся идеи, пойманные в самый первый момент, а также неподписанные работы — я обожаю их изучать, расшифровывать, делиться ими словно археологическими находками с другими. Я люблю раскапывать, что за ними стоит. Ведь искусство — это всего лишь обломок мысли, выраженный в цвете, рисунке и форме.

Я пришел к этому еще в детстве, работая в мастерской моего отца Энрико Аккатино — художника и преподавателя. Я помогал ему подготавливать к работе холсты и краски, замешивать грунт, поднимая тонны пыли, которая медленно кружилась в лучах солнечного света, проникавшего из больших окон, из которых доносился приглушенный рокот дорожного движения.

Я ненавидел мастерскую. Мне приходилось находиться там, когда я предпочел бы сидеть дома перед телевизором или играть в футбол у Виллы Ада. Все это было, конечно, полной чепухой, но мне вечно не хватало на нее времени.

И все же благодаря часам, проведенным в этой мастерской, я понял очень многое. Например, что любовь к искусству — это тяжелый крест, который передается по наследству. И если только ты примешь его, он больше никогда тебя не оставит, как бы тебе не хотелось послать все к черту.

Поверьте мне, я пытался.

Я понял еще одну важную вещь — все произведения всегда вдохновлены жизнью. Это неизбежно. Художники, как и все мы, вкладывают в свои творения мечты, желания и страхи. Они взрослеют, влюбляются, стареют, иногда довольно неудачно. И если вдруг они прекращают творить, на это всегда есть веская причина, пускай о ней не будет написано ни в одной книге. Конечно, я не имею в виду тех, кто вошел в Топ-100 лучших. Так вот я всегда хотел узнать эту причину.

Кого-то сломили недуги и болезни, кто-то потерял любовь всей своей жизни, а кто-то, наоборот, всю жизнь потратил на ее поиски, но так и не смог найти. Кто-то затевал битвы, заранее обреченные на провал, а кто-то погибал ровно в тот момент, когда ему наконец удавалось поймать удачу за хвост после

долгих лет пребывания в тени, когда его готовились чествовать как настоящего гения своего времени.

Произведения всегда рождаются из этих историй, каждая из которых не похожа на другую.

Все эти феномены — безумие, смерть, разрушение физического тела, — в итоге зачастую остаются почти никем не замечены. И мы снабжаем их вполне нейтральными описаниями и перифразами, такими как «...после долгой болезни», «...психическое расстройство», «...несчастный случай».

Я пришел к выводу, что, говоря об истории изобразительного искусства, не стоит оперировать такими банальными категориями, как «высокое» и «низкое», «мастера» и «все остальные», которым до них далеко. А за ними на почтительном расстоянии следуют всякие «не художники» (иллюстраторы, те, кто занимаются коммерческим искусством, комиксами...), «курьезные случаи» (мастера перформанса, уличные художники...) и, наконец, «сумасшедшие» — под которыми подразумеваются отдельные личности, из которых получатся идеальные персонажи для какой-нибудь художественной книги.

Все это я говорю к тому, что мне доводилось встречать довольно посредственные работы у великих художников, и в то же время абсолютно сумасшедшие и гениальные у никому не известных авторов. Им просто было суждено — пускай только однажды за всю жизнь — оставить неизгладимый след в истории, предвосхищая моду и тенденции, чтобы придать своему времени более определенную форму и индивидуальность.

Вот. В этом весь смысл книги «Таланты без поклонников. Аутсайдеры в искусстве».

Это те истории, которые мне самому хотелось бы услышать, рассказанные так, как мне бы хотелось их слушать. Истории, которые мне никто никогда не рассказывал.

Это собрание картинок и слов, отобранных с особой искренностью и рвением, чтобы осветить куски истории, оставшиеся в темноте, и вернуть к жизни эмоции, краски и осколки визуальной культуры XX века. Это истории, которыми, я считаю, нужно делиться.

Поспешу, впрочем, отметить, во избежание любых недопониманий, что это не история альтернативного искусства. Я бы не взялся за такую задачу.

Это моя попытка отдать должное тем событиям и персонажам, которых мне посчастливилось почти случайно встретить на сво-

ем жизненном пути и которых я совершенно не знал. Попытка, родившаяся из желания восстановить их достоинство и память о них. Другие, возможно, прошли бы мимо этих историй, а мне показалось важным ими поделиться. По мне, так большинство великих художников предано забвению. Или же мы попросту не знаем о них никаких личных и житейских подробностей. А тем временем, все это важно.

Они аутсайдеры просто потому, что жизнь, мягко выражаясь, была к ним несправедлива. Придя к успеху, они не смогли его удержать, потому что не было ресурса, не было в их жизни кого-то, кто бы боролся за них. Или уже после их смерти — кого-то, кто хранил бы живую память о них и продвигал бы их произведения.

Они аутсайдеры, потому что им пришлось делить жизнь напололам с болезнью. Тела или души. А порой и того и другого одновременно.

Это те, кому, возможно, просто не повезло, потому что они родились женщинами, а не мужчинами, в те еще суровые и консервативные времена. Или же они были не той национальности, или их угораздило жить в какой-нибудь сложный период истории. Например, в 1960-е годы, когда по-настоящему повезло только тем, кто предавался беззаботной жизни в Сен-Тропе, тогда как в остальном мире происходили то зачистки, то убийства, то оккупация территорий. Каждый день тебя обвиняли то в том, что ты еврей, то в том, что ты гей, то в том, что ты шлюха, коммунист, фашист или империалист.

Они аутсайдеры, потому что они другие, часто они предвосхищали свое время, за что общество вешало на них ярлыки сумасшедших, инопланетян, странных личностей. И только историки искусства, далекие от мейнстрима, и коллекционеры с чутким нюхом знали об их существовании. Широкая публика — никогда, массе они были не интересны.

Они аутсайдеры, потому что отказывались бороться или пренебрегали неписаными законами рынка, чтобы продолжать в одиночестве свои собственные исследования, пока не исчезали с лица земли.

Наконец, они аутсайдеры, потому что не смогли смириться с конформизмом, пережить войны XX века, расовые, культурные и политические гонения, погромы, убийства, моду на наркотики и чрезмерную любовь к крайностям представителей поколения битников.

Как же я их находил?

Я обнаруживал их, останавливаясь у самых дальних стен музеев — тех, что обычно соседствуют с туалетами и лифтами. Я фотографировал подписи и, возвращаясь домой, спокойно их изучал. Я находил их в каталогах, купленных на развалах, на малоизвестных аукционах — единственных, где еще можно встретить какие-то удивительные вещи. Я попадал на них случайно среди картинок, заходя в Google без всякой конкретной цели. Это то, что Филипп Даверио называет «фантастической машиной», потому что «в ней уже есть все отсылки и параллели. Причем как на верной дороге, так и на той, на которую ты попал по ошибке. Так Интернет вечно отвлекает тебя от изначального дела и в итоге открывает неизведанные и невероятные территории».

В конце концов, я находил их — тех, кого стоило бы на самом деле восхвалять и чествовать каждый день, — среди тех, кто жил в Париже, Берлине и Санкт-Петербурге в 1920-е и 1930-е годы, среди студентов Баухауса, среди мастеров «дегенеративного искусства», выставленных на одноименной выставке, организованной Гитлером, чтобы высмеять современное искусство. Потому что аутсайдеры — всегда заведомо проигравшие, их узнаешь с первого взгляда. Они рождаются, творят, любят и умирают не в том месте и не в то время. Живут словно в параллельных мирах. И вечно не по тому адресу. Все эти истории так и роились у меня внутри.

Я начал с того, что писал анонимные статьи для Википедии, потому что мне не давало покоя молчание, которым были окружены жизни всех этих художников, и то, что про многих из них не было никакой информации на итальянском языке. Весь этот материал я затем опубликовал в блоге под названием «Il Museo Immaginario» — дань «Воображаемому музею», знаменитому эссе Андре Мальро, — а потом на довольно популярной странице в социальной сети и, наконец, в отдельной рубрике журнала «Art e Dossier», как раз посвященного историям малоизвестных художников XX века.

И первую часть этого путешествия я завершил историей своего отца. Ему я посвятил одну из последних глав.

Прежде чем оставить вас один на один с этой книгой, я должен отметить: научность изложения фактов не входит в число ее достоинств. Конечно, я собирал биографический материал, стараясь учесть каждую деталь, проверяя достоверность, сверяя

источники, зачастую весьма скудные и неоднородные. Но ко всем этим фактам, которые были мной прочтены и истолкованы, добавилось мое личное восприятие. И за это я несу полную ответственность.

Если вам есть что возразить или сказать на этот счет — пожалуйста. Но я знаю, все точно было не зря, — ни для меня, ни для вас, — если хотя бы один из упомянутых здесь художников заставит вас по-новому посмотреть на окружающий мир, открыть для себя новые идеи и произведения. Тогда наконец аутсайдеры — забытые всеми, заведомо проигравшие — смогут сказать, что победили.